

могучий народ в одну из решающих эпох своей истории мог создать этот монументальный и величественный, но вместе с тем простой в своей человечности образ национального героя» [5, с. 206].

Славянская мифология характеризуется тем, что она всеобъемлюща и представляет собой не отдельную область народного представления о мире и мироздании (как фантазия или религия), а находит воплощение даже в быту – обрядах, ритуалах, земледельческом календаре, сохранившейся демонологии (от домовых, ведьм и леших до банников и русалок). Поэтому, практически уничтоженная на уровне текстов до XI века, она продолжает жить в образах, символике, ритуалах и в самом языке, в частности во фразеологии.

Необходимо отметить, что мифы не являлись выдумкой, а представляли живую реальность для сознания людей. Не признавая реальности мифа, трудно рассчитывать на понимание национально-культурного своеобразия многих идиом современного языка. Мифологическая действительность для обычного человека более жизненна, чем научная действительность, поэтому мифологическое объяснение мира существует параллельно с научным его видением, при этом «мифологическая действительность сильнее и, так сказать, более всеобъемлюща, чем действительность, проецируемая наукой» [3, с. 152].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко; 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926, [2] с.

2 Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).

3 Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М.: Логос, 1996.

4 Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию: учебное пособие. / В. А. Маслова // – М.: Наследие, 1997. – 207 с.

5 Словарь славянской мифологии / сост. Н. П. Рябошлык. – М.: Центрполиграф, 2009. – 238, [2] с.

6 Топоров, В. Н. Предыстория литературы у славян: опыт реконструкции: Введение к курсу истории славянских литератур / В. Н. Топоров. – М.: РГГУ, 1998. – 319 с.

УДК 81.161.1'373:81.161.3'373:[398.43:159.961.44]

И. Г. Евтухова

О ВАРИАТИВНОСТИ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С КОМПОНЕНТАМИ-КОЛОРАТИВАМИ В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТАХ

Аналируются цветочные прилагательные с компонентами-колоративами в текстах русских и белорусских заговоров, сочетающиеся с рядом конкретных и отвлечённых существительных и обозначающих пространственные понятия, центральные предметы и названия животных. Отмечается перераспределение смысловых функций цветообозначений, возможность сочетания одного и того же слова с разными эпитетами.

Цветочные прилагательные в русских и белорусских заговорах сочетаются с целым рядом конкретных и отвлечённых существительных, обозначающих:

1) пространственные понятия: рус. *синее море* – *белое море* – *чёрное море* – *красное море*; бел. *сіняе мора* – *белае мора* – *чорнае мора* – *чырвонае мора*; 2) центральные предметы: рус. *белый камень* – *синий камень* – *серый камень*, бел. *белы камень* – *сіні камень* – *серый камень*; 3) названия животных: рус. *белый конь* – *черный конь*; бел. *белы конь* – *чорны (вараны) конь* – *сіні конь*.

Утрачивая прямое значение, прилагательное в заговорных текстах теряет смысловую определенность, зато круг ассоциаций, который вызывает одно и то же слово, разрастается. Символика цвета задает лишь основное направление, в котором развивается смысловые ассоциации прилагательного, изменяющиеся и варьирующиеся в зависимости от семантики существительного. Неопределенность и широта смыслового наполнения прилагательного ведет к тому, что разные прилагательные в переносном употреблении взаимодействуют друг с другом, пересекаясь и совпадая в части значений, в результате чего происходит перераспределение их смысловых функций, возникает возможность сочетать одно и то же слово с разными эпитетами, причем сочетания эти имеют почти одинаковое смысловое наполнение: *белый камень*, *синий камень*, *серый камень*.

В связи с этим меняется, обогащаясь и усложняясь, система сопоставлений и противопоставлений прилагательных в переносном употреблении. «В некоторых заклинательных текстах море выступает не как реальный водный объект, а как некое отдаленное мифическое пространство, наделяемое особыми эпитетами и именами: в рус. заговорах – море-лукоморье, океан-море, Исячь-море, Кий-море, Чердань-море; в подобных текстах море описывается как «глубокое», «бездонное», «белое», «черное», «синее», «пёстрое», «красное», «желтое», «золотое», «огненное», «студёное», «поганое» и т. п.» (СД 3, 301). Лексема *черный* неоднократно встречается в номинации *Черное море*, соотносясь в сознании говорящих прежде всего с реально существующим гидронимом *Черное море* – ‘средиземное море Атлантического океана, между Европой и Малой Азией’ (БЭС I, 633). Учитывая, однако, сакральный характер заговорных текстов, естественно предположить, что в данном случае мы имеем дело не с собственно гидронимом, а с омонимичным словосочетанием, реализующим специфическое (контекстуально обусловленное) значение.

Немаловажную смысловую нагрузку в этом устойчивом словосочетании выполняет субстантивный компонент. Мифологема «море» понимается как «вода вообще», как одна из основополагающих стихий мироздания, исходное состояние всего сущего, первоматерия, соответствующая первобытному хаосу; в этом смысле водное пространство противостоит организованному пространству – земле (РМС, 55). «Символическое значение моря соответствует значению «Нижнего Океана» – вод, пребывающих в постоянном движении, посредника и промежуточного состояния между Аморфным (воздухом и газом) и Оформленным (землей и твердыми телами) и, по аналогии, – между жизнью и смертью» (СС, 50; 329–330). Вода в мифологии понимается как «среда обитания нечистой силы и душ умерших людей. Общеславянские представления о том, что в воде обитают черти и другая нечистая сила, раскрывают негативную символику воды, ее опасность для человека.

Следует отметить, что содержание понятия «*Черное море*» в заговорных текстах неоднородно. *Черное море* выступает в качестве: 1) сакрального пространства, не отягощенного ярко выраженной символикой: рус. «*Летит ворон чрез Черное море, несет нитку шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись*» (РН, 291); бел. «*Я цібе пувяду на Чорныя мора. На Чорным моры там стаіць востраў...*» (Зам., 190); 2) сакрального пространства, совмещающего положительную и отрицательную символику. На это указывает наличие во фрагменте текста названий христианских и демонических персонажей, чем усиливается магическая направленность заговора. Часто у *Черного* моря появляются 12 дев-лихорадок, оно служит местом отсылания вражьей силы. В этом случае оно находится не в восточной, как Океан, а в западной стороне:

рус. «...при **Черном** море стоит столп калинный, и в том столпе отец Сисиний, и возрев на море и виде – в море восхищается вода до облак, и из моря идут 12 жен простоволосых, дьявольским видением окаянных...» (Вет., 158).

В текстах заговоров номинация **Черное** море может использоваться для изображения ада, преисподней: рус. «Лягу я не благословясь, встану я не перекрестясь; умываюсь я не водой и не росой, утираюсь я нешитым и непрядым, немытым и некатаемым; пойду я из дверей не в двери, а пойду из-под избнаго подлежня, пойду я в ночную сторону; в ночной стороне **черное** море, в **черном** море **черная** баня, в той бане складена печка ртинная и дрова горят дубовыя и доска горит железная...» (ЗЗРН, 69).

Синее море в заговорных текстах – простор, в котором находится определенный центр. Ср.: рус. «...В **синем** море есть святой Божий остров; на святом Божьем острове святая Божья церковь; в той святой Божьей церкви есть престол Господень, на том престоле Господнем есть священномученик Христов Антипа исцелитель зубной, и бессребренники Христовы Козья и Дамиан...» (МиЗ, 216); бел. Шла Божья Мать по Святой земле, // Вела Иисуса Христа за руку, // Привела его к **синему** морю. // На **синем** морю – белые камни, // На тех камнях монастырь, // В том монастыре Петро и Павел... (ПЗ, 348).

Из текстов русских и белорусских заговоров следует, что на **синее** море отсылаются болезни: рус. *ночницы*, бел. *крыксы, сцень* (ср. рус. «...Ночные-ночницы, отправляю вас на **синие** моря...» (ПЗ, 59); бел. «...Збярэце ётай (імя) крыксы-плаксы, занясіце на **сіняе** мора...» (Зам., 333), «...І ссылаю цябе, сцень, на **сіня** мора...» (Зам., 325), «...Ты ідзі, скула, на **сіняе** мора» (Зам., 206).

Таким образом, заговорные клише **черное** море и **синее** море в магических текстах заговоров, с одной стороны, разделяют символику особой отмеченности и сакральной силы, с другой стороны, является обозначением «чужого» пространства или преградой, отделяющей «свой» мир от «чужого», враждебного.

Белое море и **красное (чирвоное)** море в восточнославянских заговорах – сакральное пространство, не отягощенное ярко выраженной символикой. Прежде всего здесь описывается не собственно море, а нечто иное, для чего море служит лишь формой описания, своего рода глубинной метафорой. Ср.: *Святые Юрий-Грыгорый на беламу мору праяэжае, белает мора налівае. На белым моры, на лукаморы стаяць тры цяліцы, яны стаяць, не гуляюць, бела мора выпіваюць...* (АП. Б 18, 391); *Ішоў Пан Езус праз чырвоное мора, нёс з сабою тры ружы...* (Замовы, 311).

Тавтологический повтор словосочетания **белое (бела)** море, по-видимому, сводится не только к ритмизации текста, а имеет и свои семантические и магические основания.

К числу самых распространенных символов священного объекта принадлежит камень. Можно предположить, что одно из наиболее часто употребляемых в восточнославянских заговорах сочетание **бел(ый)** камень *Алатырь*, возможно, является далеким отголоском имени Бога. В образе **белого** камня в текстах заговоров переплелись с одной стороны – языческие верования (камень – центр света, алтарь); с другой – христианские (Алатырь – камень Божоявления). Ср.: рус. «Как есть Океан-море **белый** камень, на **белом** камени сам Иисус Христос, сам **бел** и рукавицы **белые**, и кнут **белый**» (РН, 338).

Однако в некоторых случаях может появляться несколько изофункциональных друг другу камней, каждый из которых как бы символизирует микроцентр в «своём» локусе: рус. *Столь крепка огорода моя <...>, аки **синий** камень в **Синем** море, аки **чёрный** камень в **Чёрном** море* (ЗОМ I, 70); «...В чистом поле есть **сер** камень; грызите, грыжи, **серый** камень...» (РЗ, 59); бел. «...У цара Давыда на моры **сінім** ляжыць **сіні** камень, на том **сінім** камні стаіць карваць, на той карваці пуховыя падушкі, цвілёвыя засцілкі...» (Зам., 129); «...В восточной стороне океан-море, в океане-море **синий** камень, на **синем** камню сидит баба Рюха на калёной сковороде...» (РЗ, 51).

Из текстов заговоров следует, что **синий** камень – центральное место, вокруг которого собираются не только святые, но и нечистые духи, обладающие особой магической силой.

Белый цвет – цвет потусторонних существ, поэтому везде, где конь выполняет культовую роль, он всегда **белый**. В. Я. Пропп считает, что «из трех коней – черного, серого и **белого** – последним, т.е. самым сильным и прекрасным, является **белый**» [1, с. 157]. «**Белый (золотой)** конь был атрибутом Господа Бога, Юрия-Егория в польской и восточнославянской традициях; в русской волшебной сказке **белый** всадник – ясный день, красный всадник – красное солнце, черный всадник – воплощение ночи; в сербской песне св. Николай едет на синем, красном и **белом** коне» (СД II, 591).

В восточнославянских заговорах Иисус Христос и святые, противостоящие нечистой силе, часто изображаются едущими на **белом** коне: рус. *В чистом поле Сам Иисус Христос ездит на белом коне* (РЗ, № 53), *Святый Юрей // Ехаў на бѣлом канѣ... // На залатом седлѣ...* (ПЗ, 522), *...Ляжыць три змяі. // ...Еде к йим // Михайл-Архангел // На бѣлам кані, // На малюваным* сядлѣ* (ПЗ, 374); бел. *Ехаў Бог на поліку на белым коніку...* (Замовы, 69), *Прыедзець святы Юры і Ягоры на белым кані...* (Зам., 136).

В христианском символизме **чёрный** – цвет зла и цвет князя тьмы, ассоциируется с черной магией, колдовством: бел. *Ехаў цыган на чорным кане ў чорным жупане, чорнаю нагайкаю каня паганяе...* (Зам., 297). Представляется вероятным, что качество **чёрного** в заговорах не случайно: оно является остатком древнего языческого представления об отличительных признаках злой и враждебной силы, производящей всё недоброе, в том числе и болезни. Однако нельзя сказать, что **воронья** «черная» масть коней в заговорах всегда негативная, демоническая. Ср.: бел. *Выяжжаў Бог на вараном каню...* (Зам., 118), *Ехаў святы Юры і Ягоры на вараном кане...* (Зам., 169).

В белорусском заговоре «Ад гадзюкі» встречается словосочетание **синий** конь: «Едзе святы Юрый і Ягорый-ваявод на **сінім** кані ў залатым сядле з залатым кап'ём, заговорвае ад вужа-шкорапа, ад гадзюкі-шкарапеі...» (ЗН, 46). **Синий** цвет, в отличие от большинства других, лишен амбивалентности. Его значение едино и устойчиво, как вечность, которую он символизирует. Можно предположить, что бедность употребления данного устойчивого словесного комплекса в текстах заговоров свидетельствует о том, что **синий** цвет символизировался относительно поздно.

Таким образом, переносное, неизвестное значение прилагательного в заговорных текстах одновременно закреплено и в какой-то мере свободно. Закрепленность цветовой символики поддерживается древностью создания самих текстов. Отдельные неизвестные применения слов в заговорах дают возможность выхода за пределы более или менее устойчивой системы символических обозначений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: ЛГУ, 1946.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП – Арнаменты Падняпроўя / аўт. Іэксту Г. Р. Нячаева і інш.; навук. рэд. Я. М. Сахута. – Мн.: Бел. навука, 2004. – 606 с.; **БЭС** – Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. Энциклопедия. – Т. 2. – 1991.; **Вет.** – Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли). Вып. 1-2. – Варшава, 1907; **Зам.** – Замовы / уклад. Г. А. Барташэвіч. – Мн., 1992. – 599 с.; **Замовы** – Замовы / уклад. У. А. Васілевіч, Л. М. Салавей; уступ. арт.: Л. М. Салавей. – Мн.: Беларусь, 2009. – 519 с.; **ЗЗРН** – 777 заговоров и заклинаний русского народа / Сост. А. Александров. – М.: Локид, 1997. – 543 с.; **ЗН** – Замовы. Метадычны дапаможнік / уклад. В. С. Новак. Гомель, 1994. – 65 с.; **ЗОМ** – Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги. Спасительные молитвы и проч. // Живая старина. 1907. – Вып. I-IV; 1908. – Вып. I-IV; 1909. – Вып. IV;

* *Малюванны, маляваны* (бел.) «выкрашенный, расписной».

МиЗ – Молитвы и заговоры. – Мн.: Современное слово, 2002; **НС** – Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность // Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXX. Труды Этнографического отдела. Кн. 5. Вып. 2. 1878; **ПЗ** – Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. – М.: Индрик, 2003. – 752 с.; **РЗ** – Русские заговоры / под ред. Н. И. Савушкиной. – М.: Пресса, 1993. – 368 с.; **РМС** – Шуклин В. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. – 384 с.: ил.; **РН** – Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – Мн., 1991. – 608 с.; **СД** – Славянские древности: Энциклопедический словарь: в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995–1999. – 1995. – Т. 1; 1999. – 700 с. – Т. 4; **СС** – Керлот Х. Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.

УДК 81'373:398.9=16

Л. Т. Килевая

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЛАВЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *СЕРДЦЕ*

Анализируются фразеологические единицы, содержащие компонент сердце в русском, белорусском и польском языках. Выявляется соотношенность фразеологизмов, содержащих слово-компонент сердце, с картиной мира восточных и западных славян. Определяется связь рассматриваемых фразеологизмов с концептами «сердце» и «душа».

Проекция развития ментальности как составляющей культуры народа позволяет проследить этапы ее становления и динамизма, выявить общее и отличное у народов, имеющих единый исходный пункт культурного развития. Сказанное в полной мере относится к праславянскому единству с общей исходной точкой отсчета культуры. Традиционные черты этой культуры и ее «самость», сформировавшаяся в процессе этнической самоидентификации, отражается во фразеологизмах. Наблюдения только над одной группой фразеологизмов – фразеологизмов с компонентом *сердце*, зафиксированных в русской, белорусской и польской современных языковых системах, – свидетельствуют об общих и отличительных чертах в ментальности их носителей.

Согласно исследователям славистики, по своей природе древний славянин отличался смирным и миролюбивым характером. Как замечательная черта, до сих пор сохранившаяся у славян, отмечается их «сердоболие и человеколюбие» [1, с. 171]. Закономерным в связи с этим представляется наличие в анализируемых фразеологических системах идентичных в структурном и содержательном плане фразеологизмов, отражающих данную характеристику, включающих компонент *сердце* и его определение с положительной коннотацией. В частности, в польской фразеологической системе находим: *Wielkie serce, złote serce* – ‘dobry, wielkoduszny, szlachetny człowiek’: *Michał człowiek wielkiego serca, nigdy nie przejdzie obok kogoś, kto potrzebuje pomocy* [ПФС].

В соответствии с этим в русской фразеологической системе имеет место фразеологизм *большое сердце* – ‘кто-либо способен горячо и сильно чувствовать, быть отзывчивым, добрым’: *Чувствовались в нем тонкий ум, острая память, большое, хорошее сердце* [РФС, с. 420-421]. В белорусской фразеологической системе отмечается фразеологизм *вялікае сэрца*. ‘Пра таго, хто здольны моцна адчуваць, быць добрым, чулым, спагадлівым’: *недзе сярод гэтых тысяч людзей нага ў нагу крочыла Карпаўна, жанчына вялікага сэрца*’ [БФС, с. 60].